

Анастасия Солнцева

**Ангел, шельма
и одноглазый кот**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С60

Солнцева А.

С60 Ангел, шельма и одноглазый кот / Анастасия Солнцева. – М.: Литнет, 2026. – 314 с.

ISBN 978-5-521-94767-6

Мирослава пришла на кладбище навестить могилу матери, а встрети-
лась с говорящим одноглазым котом по имени Сократ, заманившим
её в другой, параллельный мир. А дальше события завертелись с неве-
роятной скоростью – загадочно погибла хозяйка Сократа, заведовав-
шая стратегически важным магическим пунктом пропуска. Её место
в принудительном порядке пришлось занять Мирославе и для получения
необходимых профессиональных навыков отправиться учиться в пре-
стижную Академию магии, где девушка не только попала в немилость
к предводителю местной элиты, принцу самого закрытого и могуще-
ственного государства, но и наткнулась на упоминание своей матери,
которая, кажется, была совсем не человеком.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94767-6

© Литнет, 2026

© Солнцева А., 2026

Глава I. Не говорите с котами на кладбищах

Мама умерла, когда мне было восемь. Но почему-то все мои воспоминания о ней размытые, словно я смотрю сквозь грязное, годами немытое стекло, старательно вглядываясь в образы за ним. И чем сильнее пытаюсь что-то рассмотреть, тем меньше вижу. С этой проблемой я даже обращалась к врачу, которого нашёл для меня отец. Специалист сказал, что мозг – великий обманщик. И когда мы вспоминаем что-то, то на самом деле воспроизводим в памяти не само событие, а своё последнее впечатление о нём. Таким образом, каждый раз непосредственное воспоминание искажается, подменяясь ложным вновь и вновь. Пока мы вообще не забудем, как было на самом деле. Наверное, в этом было всё дело, хотя кое-что я помнила очень чётко. Но это было даже не воспоминание, а скорее ощущение. Касание маминых рук, очень тёплых и мягких. Больше ни у кого в мире не было таких рук. Только у неё.

Кроме странного бардака в голове, на память о самом близком человеке у меня осталась фотография. Только одна. Все остальные снимки уничтожила бабушка, швырнув семейный альбом в камин. На фото мама смотрит в камеру, чуть прищурив глаза от яркого света, и весело смеётся. Её волосы, взъерошенные ветром, падают на лицо и переливаются в солнечных лучах всеми оттенками золотого. Она такая красивая и счастливая, что больно смотреть.

Невозможно не заметить наше с ней сходство. Об этом однажды с грустью упомянул отец. И часто с раздражением повторяет бабушка. Я и сама вижу, что с каждым годом всё больше и больше становлюсь похожей на женщину с фотографии. И это меня утешает. Как будто мамочка не умерла. И она по-прежнему со мной, несмотря ни на что.

В отличие от отца, бабушка говорить о маме не любит. Никогда не называет её по имени, используя формулировку «эта женщина». Например, «это случилось до того, как появилась эта женщина» или «так решила эта женщина». Выдаётся эта фраза всегда без стеснения, с очевидным пренебрежением и преимущественно в присутствии бабушкиных подруг. А вот при отце бабушка маму никогда не упоминает. Знает, что тот церемониться не станет и просто выставит за дверь. За дверь бабуля не хочет, а потому хотя бы изредка старается вести себя достойно.

Отец любил маму больше жизни. И продолжает любить, как мне кажется. Но говорить о ней неспособен. Раньше мне казалось, что так он пытается забыть её, вычеркнуть из памяти и просто жить дальше. Теперь же я знаю: ему просто очень больно. Больно говорить о женщине, которая была для него целым миром. Лишь однажды, когда мне было четырнадцать, папа подошёл, обнял крепко-крепко, поцеловал в макушку и тихо, с затаённой болью в голосе произнёс:

— Твоя мама была для меня всем. И когда я потерял её, я потерял всё.

Отец редко бывает дома, практически живя на работе. Это даёт свои плоды. За десять лет созданная им фирма из маленькой конторки в подвале превратилась в монополиста в своей сфере, а именно в фармацевтике. Реклама препаратов, которые выпускаются под руководством отца, встречается едва ли не на каждом шагу. И продажи только растут, чему не может нарадоваться бабушка, отдыхающая за границей по четыре раза в году. А мне отца жаль. В свои тридцать семь он выглядит на все пятьдесят. Его голова практически седая, на лице глубокие морщины и неизгладимый отпечаток безграничной усталости, в глазах — грусть. Грусть, которая лишь усиливается, когда он смотрит на меня. И я знаю почему. То, что приносит мне облегчение, ему доставляет лишь боль. И каждый из нас заперт в своём молчаливом одиночестве.

Иногда мне кажется, что его попытка заглушить боль работой является не чем иным, как вялотекущим суицидом. Ему ведь даже

прийти некуда, могилы нет, потому что тело кремировали, прах рассеяли. Есть лишь статуя плачущего ангела, выполненная из белого мрамора и установленная на погосте. На пьедестале выгравирована надпись латынью «Amor vincit omnia», что в переводе означает «Любовь побеждает всё». А ниже – мамины инициалы и годы жизни. Всё очень красиво, дорого и бессмысленно.

Выбором и установкой памятника занимался отец, но сам пришёл к нему лишь однажды. Пришёл, посмотрел, положил к изножью ангела розовые пионы, которые так любила мама, и ушел не оглядываясь. В этом памятнике не было ничего от мамы – ни её доброты, ни той всеобъемлющей чистой любви ко всему живому, на которую была способна лишь она одна, ни тепла, которое от неё исходило. Лишь красивый, гладкий и холодный камень. Грустный ангел, оплакивающий ту, которая сама при жизни была воплощением света.

В отличие от отца, который лишь заказывает регулярную доставку свежих цветов, меня словно магнитом тянет на кладбище. Я часто прихожу к белому ангелу, возвращаюсь к нему снова и снова. Может быть, потому, что у настоящей скорби нет срока давности?

Как у настоящей любви нет срока годности.

Вот и сегодня я снова прогуляла школу, чтобы отправиться за город, к скоплению могил.

Погода с утра не задалась. Дул пронизывающий, по-настоящему осенний ветер. Небо затянуло тучами, похожими на грязную вату. Они висели низко и, казалось, будто вот-вот коснутся земли. Из-за отсутствия солнечного света окружающая действительность выглядела сумрачно и тягостно. Когда я вышла из дома, на часах было только девять утра, а казалось, что уже наступил вечер.

Потеплее запахнув пальто, я натянула шарф до самого носа и быстро нырнула в стоящую неподалёку поддержанную серебристую иномарку. Её мотор негромко тарахтел.

– Привет, – поприветствовал меня с переднего пассажирского сидения Тимофей. За рулём гордо восседал его старший брат Егор.

Тим – мой друг, лучший и единственный. Мы подружились ещё в младших классах, когда учительница посадила нас за одну парту. Она хотела как-то уравновесить мою деятельную и неутомимую натуру, пристроив под крыло спокойного, как буддистский монах, долгового лохматого мальчишки. Помимо subtilной внешности и непоколебимого флегматизма, Тим обладал и другими ценными качествами: острым умом, дальновидностью и рассудительностью. Если он за что-то брался, то делал это очень хорошо и до конца. Или не делал вообще. А ещё он был отличным другом. Таким, с которым и в огонь, и в воду.

Долгие годы он был и оставался моей главной поддержкой. Плакал вместе со мной, смеялся и смешил, прогуливал школу, дразнил бабушку, сочувствовал отцу, заставлял меня учиться. По моему мнению, мы отлично дополняем друг друга. Я вношу в его жизнь приятное разнообразие и лёгкий оттенок сумасбродства, а он не даёт мне окончательно оторваться от реальности и вовремя тормозя все мои эмоционально-нестабильные порывы.

Из-за моего перехода в другую школу, на котором настояла бабушка, воспринимавшая как личное оскорбление тот факт, что её внучка училась в «обычной» школе с «обычными» детьми, мы стали видеться реже. Но на наши отношения это не повлияло, мы продолжали переписываться каждый день, хоть это и давалось всё труднее. Понаблюдав за нашими страданиями, отец придумал создать благотворительный фонд и учредить стипендию для талантливых детей, коим и являлся Тим, а потому мой друг стал первым, кто её получил. Стипендия покрывала все расходы на обучение в платной школе, и даже ещё немного оставалось на личные нужды стипендиата. Так, мы вновь оказались в одном классе на последнем году обучения.

– Привет, – простучала я зубами и потянулась к термосу, валявшемуся на заднем сидении. Тим знает, что его подруга – жуткая мерзлячка, начинающая синеть, как только температура опускается

ниже +10. А потому считает своим долгом с ноября по апрель обеспечивать меня горячими напитками. Я бы предпочла кофе, но друг упорно подсовывает мне травяные чаи. Ничего не поделать, приходится пить. Сегодня чай был даже вкусным, кажется, с мелиссой.

– Паршиво выглядишь, – с доброй улыбкой заметил Тимофей, пока Егор аккуратно выруливал из узкого переулка. Права он получил совсем недавно и водил очень осторожно.

– Чувствую себя ещё хуже, – поделилась я, делая глоток обжигающего чая.

– Может быть, пора завязывать? – мягко поинтересовался друг.

– С чаем? – не поняла я. – Сам меня им поишь!

– Я не об этом, а о том, куда мы едем, – заметил Тим и покосился на брата. Егор всеми силами старался делать вид, что его здесь нет, и внимательно таращился на дорогу.

Спустя пару минут молчания друг произнёс, старательно подбирая слова:

– Может быть, тебе пора её отпустить?

Я отвернулась к окну, наблюдая за серой городской обыденностью, мелькающей за стеклом.

– Возможно, ты прав, – сдержанно ответила я спустя некоторое время. Тим не нарушал молчания, давая возможность подумать. – Пусть сегодня будет последний раз.

– Я уверен, ты справишься с этим, – попытался подбодрить меня друг. – Ты со всем справишься. И всё будет хорошо.

Я улыбнулась ему, надеясь, что вышло достаточно убедительно. А ещё надеясь, что мне удастся сдержать обещание. Наверное, действительно пора двигаться дальше.

До кладбища добирались чуть дольше часа, слушая музыку, обмениваясь шутками и взаимными дружескими колкостями, скрашивая ожидание в раздражающих пробках. Наконец, выбрались с плотно забитых машинами городских улиц на объездную трассу и уже через пять минут были около высоких кованых ворот.

Пообещав ребятам вернуться через полчаса, я, недовольно поёживаясь, выскользнула из автомобиля и побрела к входу.

Ступив на территорию кладбища, свернула налево. Приветственно махнула рукой местному сторожу, с которым мы изредка беседовали на отстранённые темы и который, кажется, видел меня чаще, чем собственных детей, и пошагала прямо.

Ступая вдоль могил по вымощенной шершавым камнем тропинке, я наслаждалась тишиной. Кого-то оно пугало, это свойственное погостам печальное затишье. А мне всегда становилось спокойнее на кладбище, я никогда не боялась ни могил, ни мертвецов в них. Я чувствовала себя здесь... умиротворённо. Шорох опавших листьев под ногами, карканье ворон, засевших на верхушках облысевших деревьев. И никому не надо улыбаться, ни перед кем не надо притворяться.

Мёртвые – они все понимают.

Они не осуждают.

Белый ангел находился в конце аллеи. Издали видно его макушку, он словно маяк в море, указывающий путь.

Я заторопилась. Тим будет ждать меня столько, сколько требуется, но всё же мне не хотелось доставлять другу и его брату неудобства.

Когда до памятника оставалось несколько метров, сердце непривычно кольнуло. Возникло нехорошее предчувствие. Оно явилось резко, свалилось словно обух, уничтожая всё спокойствие.

Что-то было не так, что-то было неправильно.

Приблизившись к ангелу вплотную, я убрала с постамента засохшие цветы и положила новые, купленные по дороге. Прикоснулась пальцами к выгравированной на мраморе надписи, подняла голову, чтобы по обыкновению заглянуть плачущему ангелу в лицо и... обомлела. У стати, склонившей голову к раскрытым на уровне груди ладоням не было главного!

Не было лица!

На его месте имелаась лишь гладкая, отполированная до зеркального блеска поверхность. Как будто злой волшебник взмахнул кистью и стёр все человеческие очертания.

– Что за ерунда? – пробормотала я себе под нос, в ужасе отступая.

– Да, действительно, как-то мрачновато, – с характерной ленцой проговорили позади меня.

– А-а-а-а! – заорала я от неожиданности и в один большой прыжок отскочила в сторону.

Мозг с большим удовольствием подsunул образ громилы с топором, рубящим на куски всех, кому не посчастливилось оказаться на его пути.

Но... никакого бородатого головореза не увидела.

Не увидела ничего, кроме достаточно упитанного рыжего кота, глядящего на меня снизу вверх одним ярко-зелёным глазом. Второй у животного отсутствовал, что с учётом хитрого выражения на усатой морде вызывало ассоциации с пиратом.

«Кот-пират, серьёзно?», – спросила я у своей фантазии.

Фантазия пожалала плечами и удалилась за кулисы.

– Фух! – громко выдохнула я, хватаясь за вдруг разболевшийся бок.

– Ты чего разоралась? – спросил тот же голос.

– Да твою ж прабабушку! – взвизгнула я, вновь изобразив из себя приму-балерину, вот только сделать шпагат в прыжке не получилось. Правда, почти получилось на земле, потому что приземлилась я очень неудачно: на коленки, попой кверху, с разъезжающимися в разные стороны конечностями.

– Долго скакать будешь? – вновь насмешливо поинтересовался голос, а я вскочила и завертелась на месте, пытаюсь увидеть говорящего. – Ну, и чего пляшем?

В последних словах мне почудилось нечто странное, несвойственное человеческой речи.

Поднялась, медленно развернулась на месте и с изумлением уставилась на кота, чья объёмная попа гордо восседала поверх горки опавших листьев.

– И чего смотришь? – ехидно спросил голос в то время, как пасть кота зашевелилась, а кончик полосатого хвоста поднялся и дёрнулся. – Нравлюсь? Я красавчик, да. Знаешь, сколько кошечек я по весне...

– Ты разговариваешь? – громко прошептала я.

– А ты не очень быстро соображаешь, да? – заметил голос. Клыкастая пасть раскрылась и снова закрылась. А само животное склонило треугольную голову набок и взглянуло на меня с сожалением.

Докатилась, меня жалеет собственная галлюцинация, явившаяся в образе приبلудного кладбищенского кота.

– Не надо на меня так смотреть, – ворчливо заявил кот, отреагировав, очевидно, на мои круглые перепуганные глаза. Гордо задрал хвост, он поднял упитанную пятую точку и гордо прошествовал мимо, чтобы неожиданно легко вспрыгнуть на ограду соседней могилы. – Я настоящий, если что. Так что, вопить дурниной прекращай. Вон, всех ворон уже перепугала.

– Ага, – согласилась я.

И потянулась к лежащей на земле ветке.

– Эй, эй, эй! – испугался одноглазый и стремительно перескочил с ограды на надгробный камень, который та окружала по периметру. – Ты чего это удумала?

– Удумала прогнать одно назойливое болтливое привидение, – пробормотала я и, перехватив палку покрепче, зашвырнула её в кота, не особо целясь.

– Вот дура, – с обидой произнесло животное, пронаблюдав за пролетевшей над его головой корягой. – Я с ней поговорить пытаюсь, а она всякой гадостью кидается.

– О чём ты со мной можешь говорить? Тебя вообще не существует! – воскликнула я, пытаясь выглядеть уверенно и при этом не свихнуться окончательно от осознания того, что веду беседу с... ну, с одноглазым рыжим котом.

– Святые ёжики! – патетично воскликнул мой усатый собеседник, переступая с лапки на лапку. И только в этот момент заметила,